

Евгений Клементьев

Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы

В первые годы советской власти национально-языковая политика оказалась на передних рубежах военной и идейно-политической борьбы России и Финляндии. Состояние и перспективы развития финского языка в Карелии были тесно сопряжены с внешней политикой Советской России, поддерживающей курс на общеевропейскую революцию, защиту территориальной целостности России, национальное и языковое самоопределение ее народов. В современной литературе возникновение Карельской Трудовой Коммуны (КТК) исследователи расценивают как прямой результат этой политики и активности финского руководства КТК¹.

По одному из условий Тартуского мирного договора, заключенного между Россией и Финляндией в 1920 г., «местный народный язык (имелся в виду карельский язык. — *Е. К.*) является языком администрации, законодательства, народного просвещения². Иными словами, этим договором карельский язык возводился в ранг официального языка Восточной Карелии наряду с русским языком. Однако вопрос о разработке карельской письменности в начале 1920-х гг. даже не ставился.

В 1920–1930-е гг. финское руководство Карелии, исходя из того, что финский язык является неперемнным условием экономического прогресса и социально-культурного развития региона, что карелы — это восточная ветвь финского народа, активно решало стратегическую задачу — превратить финский язык в язык для большинства, по крайней мере, карельского населения³.

¹ См. подробнее: В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998; *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт доклада. Петрозаводск, 1992.

² Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г., Первый Всекарельский съезд Советов. 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 255.

³ См., например: *Karjalan Sivistysseura ja Vianan Karjalaisten Liiton toiminta loppuvuosinaan*. Helsinki, 1917; *Gylling E.* Ensimmäinen sosialististen tasavaltain välinen sopimus // *Kommunisti*. 1928.

Энергичному финскому руководству республики не раз удавалось, хотя и приходилось идти на компромиссы, убедить центральные и местные власти, противников внедрения финского языка в карельскую среду в правильности проводимой им языковой политики. В исторической литературе языковая политика 1920–1930-х гг. получила название «финнизация»¹.

В основе этой политики принципу равноправия языков был выдвинут принцип противопоставления «культурных» (русский, финский) и «не культурных» (карельский, вепсский) языков. Такая установка на долгие годы предопределила трудности и зигзаги в реализации языковой политики в республике. Сложности ее реализации обнаружались уже на начальном этапе ликвидации неграмотности.

В резолюции Всекарельского съезда представителей трудящихся Карелии (июль 1920 г.) признавалась «свобода и национальное развитие малых народностей» и одновременно подчеркивалась необходимость открытия возможно большего числа народных школ, где бы преподавание велось на родном языке².

В наказе Карельскому ревкому «Очередные задачи ревкома» съезд признал необходимым: «Для развития народной культуры открыть возможно больше народных школ и чтобы преподавание велось на родном народном языке, русском или финском, по желанию населения, языке». Для этих целей планировалось организовать семинарию для подготовки учителей, открыть сеть библиотек и читален в сельской местности, организовать издание газет на родном языке³.

Только идеологическими соображениями может быть объяснено то, что среди родных языков были названы русский и финский языки, хотя в те годы ни один из этих языков не соответствовал языковому самосознанию карел.

Опрос неграмотных, проведенный Олонецким губернским отделом народного образования (1920 г.) в Олонецком и Петрозаводском уездах, о желаемом языке обучения для карел и вепсов выявил, что ликвидацию неграмотности среди карел целесообразнее вести на русском языке. Этот же вопрос рассматривался и на первой губернской

¹ См. подробнее: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика...; *Он же.* Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994; *Анттикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой... С. 207–222; *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // Там же. С. 123–160; *Вихавайнен Т.* Введение // Там же. С. 9–14; *Он же.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // Там же. С. 15–41.

² Всекарельский съезд... С. 38.

³ Там же.

конференции по ликвидации неграмотности (август 1920 г.). Так как создать в сжатые сроки необходимые учебные пособия для бесписьменного карельского языка было невозможно, конференция приняла решение о приобщении южных карел к грамоте на русском языке. В Кемском уезде, учитывая близость северного диалекта карельского языка и финского языка, обучение предполагалось вести на финском языке¹.

При отсутствии карельской письменности, ориентациях южных карел на русский язык в результате длительных и постоянных контактов двух народов решение конференции выглядело весьма логичным. В основе попыток идентифицировать карел по финскому языку как родному лежала иллюзорная посылка о том, что карелы якобы понимают финский язык не хуже, чем говоры других карел. Такое утверждение одного из идеологических проводников политики финнизации А. Нуортева о языковом единообразии карел и финнов, быстро идущих к этническому слиянию, широко тиражируемое в 1920–1930-е гг., не корректно по сути².

В резолюции Всекарельского съезда Советов (февраль 1921 г.), принятой по докладу отдела народного образования, курс языкового строительства был определен весьма жестко: «возрождение карельской грамоты является ненужным и невыполнимым делом». Основной целью работы отдела народного образования объявлялось «поднятие духовного, культурного уровня населения коммуны на тех культурных языках, посредством которых это наиболее легко достижимо». И далее утверждалось: «такими языками в коммуне для русских является русский язык, для карел – русский и финский языки в зависимости от того, на каком языке карелы тех или других мест хотят обучаться». В то же время съезд признал, что «русский язык является для большинства карел родным культурным языком, а финский язык – языком национального меньшинства среди коммуны, преимущественно в западной части Кемского уезда»³.

Принятые съездами решения на долгие годы определяли трудности и непоследовательность проводимой языковой политикой. Формально за народами признавалось право развивать свою народную культуру на родном языке, подчеркивалась необходимость соблюдения принципа добровольности при выборе карельским населением

¹ *Афанасьева А. И.* Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. 1918–1927. Петрозаводск, 1983. С. 35.

² *Нуортева А.* Проблемы карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1928. № 2. С. 1–3.

³ Всекарельский съезд... С. 224.

того или иного языка, но фактически проводилась политика массовой финнизации карельского населения.

Вести широкую агитационно-пропагандистскую работу или быстрыми темпами ликвидировать почти всеобщую неграмотность карел, когда большинство из них не знали ни русского, ни финского языка, не представлялось все же возможным. Предпринимаемые попытки использования карельского языка в школе, где педагогами работали карельские учителя, были свернуты, и в системе начального школьного образования прочные позиции заняли русский и финский языки. «Карелизация» школ стала проводиться путем увеличения численности финских школ в районах традиционного расселения карел. С 1921 г. в волостях с компактным карельским населением открываются первые школы с обучением на финском языке. К 1923 г. в средней и северной Карелии (Паданском, Ухтинском, Кемском районах) действовало 35 начальных финноязычных школ, в 1924/25 учебном году – уже 39. К 1927/28 учебному году в 129 школах дети учились на русском, а в 95 школах – на финском языке. В 1923 г. в Петрозаводске открывается 7-летняя школа с преподаванием только на финском языке¹. Под флагом поощрения национальных языков стала, таким образом, осуществляться карелизация в духе финнизации.

В целях укрепления позиций финского языка руководство республики добилося того, что треть бюджетных средств, направляемых на нужды просвещения, можно было использовать на развитие финноязычной школы².

Несмотря на противодействие ряда местных руководителей из числа карел (Куджиев и др.), финнизация проводилась на фоне постоянных и жестких оценок возможностей развития карельского языка на письменной основе. Показательны в этом отношении решения первой областной партийной конференции, охарактеризовавшей саму идею создания карельской письменности «как шовинистическую», направленную якобы на одурачивание темных масс. Фракции исполкома КТК предписывалось ввести использование русского и финского языков в сферу законодательства, судопроизводства и администрации³, что означало дальнейшее укрепление официальных позиций и статуса финского языка.

¹ *Афанасьева А. И.* Указ. соч. С. 208; *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 11.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 447.

³ *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 8–9.

Вторая областная партийная конференция (28 сентября – 2 октября 1922 г.) рекомендовала ударную культурно-просветительную работу среди карел Ухтинского района вести на финском языке. По карельским районам южной и средней Карелии было принято более компромиссное решение: «считать целесообразным удовлетворение нужд в русской и финской культуре»¹.

Чтобы как-то соблюсти принцип языковой лояльности и отвести критику за явную политику насильственной финнизации, финноязычное руководство Карелии нашло весьма оригинальный выход. В тексте декрета ВЦИК, подготовленного в связи с преобразованием КТК в КАССР, было зафиксировано равенство русского и «карело-финского» языков².

Хотя невнятность термина «карело-финский язык» очевидна, решение ВЦИКа в какой-то мере соответствовало общесоюзному курсу укрепления союза русского пролетариата с инонациональным крестьянством, провозглашенному в 1923 г. XII съездом РКП(б). Этот курс более известен как курс «коренизации». В административном отношении коренизацию финское руководство Карелии проводило как политику выдвижения на руководящие посты карел, вепсов, финнов, содействовала притоку в Карелию тверских карел.

Введение термина «карело-финский язык» можно расценить поразному: и как официальное признание паритета этих двух языков, и как промежуточный этап в реализации руководством Карелии политики финнизации карел. Примечательно, что этот термин стал использоваться и в качестве признака этнической идентификации. Он фигурирует, например, в резолюции Президиума Совета национальностей ЦИК СССР по докладу правительства КАССР и в отчете правительства Карельской АССР III съезду Советов о карелизации советского аппарата (1928 г.). В отчете правительства КАССР, в частности, сообщается, что «через средние и профессиональные учебные заведения за 1927/28 г. пропущено 464 чел. „карело-финна“»³.

Иной позиции по языковым вопросам придерживалась центральная власть. В 1924 г. ВЦИК принял постановление «О национальной политике Карелии», обязывающее местные органы власти в работе властных структур и культурно-просветительных учреждений

¹ 2-я Всекарельская областная конференция РКП(б) // Красная Карелия. 1922. № 3. С. 1–23.

² Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925. Документы. Петрозаводск, 1979. С. 61, 99; Советы Карелии. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 100.

³ Советы Карелии. С. 124, 128.

использовать карельский язык в местах с преобладающим карельским населением. В государственных учреждениях предписывалось иметь работников, умеющих говорить на карельском, финском и русском языках¹.

Руководство Карелии не могло полностью игнорировать обязательное условие Центра о том, что при проведении «коренизации» следует использовать местные диалекты. Как уступку Центру, очевидно, можно рассматривать решение Президиума КарЦИКа от 9 августа 1924 г., обсудившего циркулярное письмо ВЦИКа о работе советского аппарата в национальных республиках. Президиум КарЦИКа обязал «все исполкомы волостей с преобладающим карельским населением, чтобы разговорным языком с гражданами был карельский язык, с сохранением русской и финской грамоты, а равно и съезды Советов по возможности проводить на карельско-финском языке». В системе образования признавалось «необходимым, чтобы объяснение предметов в школе первой ступени в карельских волостях проводилось на карельском языке, с сохранением русской и финской грамоты».

Этим решением предусматривалось расширить функции карельского языка в сфере управления. Так, Президиум КарЦИКа объявил разговорным языком всех отделов и учреждений Олонецкого и Паданского уездных исполкомов карельский язык. Петрозаводскому и Кемскому уездным исполкомам, всем наркоматам республиканских учреждений предписывалось «организовать работу аппарата своего уезда так, чтобы граждане, обращающиеся в учреждения уезда на карельском языке, могли получать разъяснения на этом языке. Причем КарЦИК подтвердил постановление СНК о ведении «судоговорения на карельском языке в карельских волостях». В то же время должности в наркоматах и учреждениях Карелии рекомендовалось заполнять лицами, владеющими русским и финским, но не карельским языком².

Однако финское руководство Карелии, намереваясь придать легитимность финскому языку, в проект Конституции 1926 г. внесло статью, по которой государственными языками объявлялись русский и отсутствующий как таковой «карело-финский» язык с соответствующим их использованием в работе структур власти и управления. В системе школьного образования предписывалось использовать язык

¹ Сборник важнейших для АКССР действующих постановлений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, РСФСР и АКССР. 1924. № 8–9. С. 71–72.

² Советы Карелии. С. 111–112; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 417.

большинства населения в отдельных местностях республики или вести преподавание на двух государственных языках «по определению ЦИК»¹.

Вторая половина – конец 1920-х гг. прошли под знаком усиленной финнизации, которая преподносилась как «исправление исторической несправедливости» на пути приближения карельских диалектов к финскому языку, который в перспективе войдет в повсеместное употребление. Считалось, что тем самым финский язык исполнит свою историческую миссию – обеспечит карелам «быстрый культурный подъем и подготовку к выполнению задач социалистического строительства, и поэтому было бы реакционным „изобретать“ особую карельскую письменность»².

В 1929 г. областной комитет партии одобрил основные положения «коренизации». Согласно им, предусматривалось значительное пополнение рядов рабочих, членов партии, управленческих структур за счет «националов» (карел, финнов, вепсов), дальнейшее увеличение сети финских школ, расширение издательской деятельности финской редакции, открытие национального театра и т. д.³

Оценивая систему этих мер, финский исследователь М. Кангаспуро приходит к заключению, что реализация такой программы в полном объеме «превратила бы Карелию сначала в финско-русскую, а затем все более в финскую республику», а русским бы «угрожала опасность постепенного превращения в национальное меньшинство»⁴.

В сфере народного образования политика финнизации, имеющая явную антикарельскую направленность, проводилась наиболее последовательно вплоть до второй половины 1930-х гг. Если в 1925 г. обучение на финском языке велось в 30,7 % карельских школ, в 1929 г. – в 72 %, то к 1931 г. – во всех 278 начальных и семилетних школах с карельским контингентом учащихся. Таким образом, финноязычному руководству республики удалось на 100 % охватить обучением карельских детей в так называемой «национальной» школе⁵.

Финны получили возможность обучать своих детей в системе школьного образования на родном языке и одновременно приобщать их к русскому языку и русскоязычной культуре. Именно эта тенденция, характеризующая этноязыковое и этнокультурное развитие

¹ См. подробнее: Сборник важнейших для АКССР действующих постановлений и распоряжений... С. 71–72.

² В семье единой... С. 134.

³ Левкоев А. А. Национально-языковая политика... С. 16–19.

⁴ Кангаспуро М. Указ. соч. С. 136.

⁵ Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 143.

финнов в 1920–1930-е гг., – распространение национально-русского двуязычия и культурного дуализма вширь – постепенно набирала силу, превратившись в последующие десятилетия в ведущую тенденцию.

Некоторые итоги политики внедрения финского языка в среду карел, вепсов и русских могут быть продемонстрированы данными переписей населения 1926 и 1933 гг.

К середине 1920-х гг. уже почти четвертая часть карельского населения, точнее 23,5 %, ликвидировала свою неграмотность на финском или на финском и русском языках. Финнизация практически не затронула русских и вепсов. К началу 1930-х гг. ситуация заметно изменилась: финнизация карел в системе общеобразовательных учреждений в городах и на селе приобрела массовый масштаб. В то же время возрастал удельный вес финнов, освоивших грамоту на двух языках (на русском и финском языках) и русском языке. Практически вне политики финнизации остались вепсы-горожане, а в сельской местности менее чем у 10 % вепсов языком грамоты стал финский или одновременно два языка – финский и русский (табл.).

Распространение финского языка как языка грамотности среди карел, вепсов, финнов Карелии

	Грамотных (чел.)	Язык грамоты					
		финский		русский и финский		русский	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
		1926 г.					
Финны	1763	1039	58,9	539	30,6	184	10,5
Карелы	35 211	3240	9,2	5028	14,3	26 905	76,4
Вепсы		3607	60,2	–	–	3601	99,8
Русские	88 325	438	0,5	14	0,01	87 873	99,5
		1933 г.					
Финны	10 085	6488	64,3	2045	20,3	1552	15,4
Карелы	51 979	13 168	25,3	11 457	22,0	27 188	52,3
Вепсы	4147	159	3,8	170	4,1	3789	91,4

Расчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. М., 1928. С. 114, 135; Перепись населения АКССР 1933 г. Народность, возраст, грамотность, язык, самодеятельность. Вып. 1. Петрозаводск, 1934. С. 18–19, 24–25, 42–43. В таблице не учтены грамотные на других языках.

О массовом внедрении финского языка в карельскую среду можно судить также по таким данным: к 1933 г. доля карел в возрасте 8–9 лет, получивших грамоту на финском, возросла до 75,4 %, на финском и русском языках составила 8,9 %, на русском – 15,7 %. Карельские дети несколько чаще получали грамоту на финском языке (75,4 %), чем дети финнов (73,5 %).

Вместе с тем уже перепись 1926 г. фиксирует и другую тенденцию – начало языковой ассимиляции финнов Карелии: почти у 20 % из них национальная принадлежность не совпадала с родным языком. Проживая в карельской среде, из 511 финнов родным назвали карельский язык почти 43 %¹.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось, образно говоря, «войной языков», о чем свидетельствует развернувшаяся на страницах газет и журналов дискуссия между сторонниками и противниками финского и карельского языков².

В апреле 1931 г. Президиум Совета Национальностей России поручил финскому руководству КАССР приступить к созданию карельской письменности. Газета «Правда» расценила такое решение как «политическую необходимость». Такое поручение полностью соответствовало языковой политике начала 1930-х гг., когда основной упор стал делаться на создание условий для этнокультурного развития народов, не имеющих письменности.

Однако областной комитет партии Карелии, ссылаясь на диалектные различия в карельском языке, тягу южных карел к русскому языку, а северных – к финскому языку, отстоял курс финнизации. При поддержке Политбюро ЦК ВКП(б) финскому руководству Карелии удалось добиться отмены решения Совета Национальностей, согласному которому в национальных районах местный диалект возводился в ранг официального языка³.

Не нашло поддержки и предложение наркома просвещения республики И. П. Гришкина о создании «карело-финского языка», который представлял бы собой смешение финского литературного языка с ливвиковским диалектом карельского языка как особый «советский» вариант финского языка в отличие от языка «буржуазной Финляндии». В новописьменный язык предлагалось ввести массу «интернационализмов», «советизмов», «карелизмов». По мнению И. П. Гришкина, сплав двух генетически родственных языков сформирует в конечном итоге обогащенный революционной терминологией и карельскими словами литературный язык⁴. Завершились эти поиски неудачей, так как «реальных условий для карелизации финского языка в начале 30-х годов не было»⁵.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. С. 114, 135.

² См. *Баранцев А. П.* Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 101.

³ *Левкоев А. А.* Карельская автономия... С. 18.

⁴ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 7–8.

⁵ *Анттикоски Э.* Указ. соч. С. 212–213.

Однако и планам полной финнизации карельского населения не суждено было сбыться. Над финским руководством сгустились ре-прессионные тучи. Объявленная в 1933 г. по всей стране борьба с местным национализмом как главной опасностью социалистических преобразований нанесла мощный удар политике финнизации. Республиканское руководство стало обвиняться в проведении политики буржуазии Финляндии, направленной на создание так называемой «Великой Финляндии».

В декабре 1933 г. областной комитет партии определил основные задачи борьбы с местным национализмом. 5 марта 1934 г. ЦИК и СНК Карелии, рассматривая итоги и задачи проведения национальной политики, отметил, что «работа по ликвидации фактического неравенства национальностей и построению бесклассового социалистического общества проходит в условиях ожесточенной классовой борьбы». И следовало заключение: «направить главный удар против местного национализма», против «националистических элементов, смыкающихся с агентами финских фашистских кругов, с национал-шовинистическими и великодержавными пережитками». Проявления местного национализма виделись в издании ряда книг «национально-шовинистического характера», в примиренческом отношении к невыполнению неоднократных решений о преподавании русского языка в школах северных районов Карелии и финского языка в русских районах, в выдвижении кадров по национальному признаку и т. д.¹

Практически в это же время развернулась усиленная кампания по распространению русского языка в карельской среде. Велась она параллельно с расширением функций южнокарельских диалектов.

С конца 1936 г. был взят новый курс — курс на создание карельского литературного языка для всех карел Советского Союза. В соответствии с установками Д. В. Бубриха, «для литературного языка отобраны и связаны в единую систему явления, наиболее устраивающие всех карелов, к каким бы наречиям они не принадлежали»².

За основу письменной формы карельского языка были взяты собственно-карельские говоры Карелии и Калининской области. Для передачи особенностей карельской речи в кириллический алфавит были введены дополнительные буквы (знаки). Эти правила поддержал Центрисполком РСФСР и одобрил Наркомпрос Российской Федерации. В срочном порядке были подготовлены и опубликованы фонетические и морфологические нормы литературного языка, правила

¹ Советы Карелии. С. 170–172.

² Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937. С. 3.

правописания, опубликован список терминов общественно-политической жизни. 1937/38 учебный год начался с обучения на карельском языке¹.

Однако политика ускоренного внедрения новой письменности вскоре потерпела полный провал из-за недостатка учебных пособий, преподавательских кадров и т. д. Не последнюю роль в этом провале сыграли аресты и репрессии, обвинения карел в непродуманно быстром введении новой письменности, возникшие в связи с этим неурядицы, а подчас и хаос в организации обучения.

Новый поворот в языковой политике был вызван началом разработки литературного языка для карел Карелии на основе ливвиковского диалекта. Руководство республики, сторонники единого для всех карел СССР литературного языка стали обвиняться в финнизации карельской письменности, что расценивалось как проявление буржуазного национализма².

В апреле 1938 г. Карельский обком партии с грифом «Совершенно секретно» направил письмо Сталину о необходимости исключения финского языка из числа государственных языков Карелии. Включение финского языка в Конституцию республики 1937 г. расценивалось как «наглядное доказательство враждебной работы контрреволюционеров троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, проникших к руководству партийными и советскими органами КАССР». В республике начались массовые этнические чистки, обвинения в шпионско-националистической деятельности. Использование финского языка категорически запрещалось. В июне 1938 г. были «разоблачены» и сняты с работы как «враги народа» 56 руководящих работников ЦИКа, СНК, наркоматов, РИКов и сельсоветов³.

Тем не менее в Конституции КАССР, принятой Чрезвычайным XI Всекарельским съездом Советов 17 июня 1937 г., финский язык, наряду с русским и карельским, признавался официальным языком республики. На трех языках следовало публиковать законы, принятые Верховным Советом КАССР (ст. 24), оформлять герб и флаг (ст. 111, 112). Граждане республики имели право обучать своих детей в школе на родном языке (ст. 88)⁴.

¹ См. подробнее: *Керт Г. М.* Очерки по карельскому языку. Исследования и размышления. Петрозаводск, 2000. С. 52–53.

² *Анттикоски Э.* Указ. соч. С. 216–218.

³ *Советы Карелии.* С. 200–201.

⁴ Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1937.

С завершением «зимней войны» 1939–1940 гг. запрещенный финский язык вновь приобрел легитимность. Преподавание карельского языка повсеместно отменялось. Выступая с отчетным докладом обкома на I съезде КП(б) Карело-Финской ССР, Г. Н. Куприянов такое решение обосновывал практическими политическими (финский язык станет основой межнационального сотрудничества в деле упрочения социализма) и культурно-языковыми (финский язык, высоко развитый литературный язык, легко понятный карельскому населению, должен стать главным средством подъема национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы и искусства и создания кадров интеллигенции) соображениями. Создание в конце 1930-х гг. карельской письменности не осуждалось, так как это «не было движением назад», ибо «рост культуры карельского народа шел за эти годы значительно быстрее, чем за годы, когда орудовали буржуазные националисты». Однако подчеркивалось, что «культурное развитие карельского народа пойдет быстрее именно на финском языке», обеспечивая сближение карел и финнов и облегчая борьбу с буржуазным национализмом¹.

В приветствии к И. Сталину и В. Молотову в связи с образованием КФССР вновь появляются термины «карело-финский народ» и «карело-финская национальность»².

Этноопределитель «карело-финский народ» был включен в ст. 2 Конституции (Основного Закона) Карело-Финской ССР, принятую Верховным Советом республики 9 июля 1940 г., но исчезло понятие «карело-финский язык». Конституция не провозглашала статус государственных языков. На официальных языках – финском и русском – следовало публиковать принятые Верховным Советом республики законы (ст. 25), вести судопроизводство. Для лиц, не владеющих этими языками, для полного ознакомления с материалами судебного дела предоставлялся переводчик и право выступать на суде на родном языке (ст. 84). Символика республики (герб, флаг) оформлялась на финском и русском языках³.

В республике началась очередная фаза финнизации, в ходе которой уже к началу 1941/1942 учебного года планировалось все карельские школы перевести на финский язык обучения. Подготовка и переподготовка учителей была организована через систему курсов, к

¹ Отчетный доклад Карельского обкома на I съезде КП(б) Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1940.

² В семье единой... С. 269–271.

³ Конституция (Основной Закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. М., 1940.

преподавательской работе привлекались ранее работавшие в школах и репрессированные в 1937–1938 гг. Однако из-за нехватки учителей, слабого знания или незнания детьми финского языка, противодействия родителей, не отпускавших детей в финские классы, внедрение финского языка происходило с большими трудностями. К началу 1941 г. из 806 школ республики в 206 преподавание велось на финском языке. Расширение общественных функций финского языка затронуло и средства массовой информации: с 1 января 1941 г. на финском языке стали издаваться газеты в Ведлозерском, Олонецком, Петровском и Пряжинском районах; на финский язык было переведено издание газет в северных районах республики. С июля 1940 г. вместо карелоязычного журнала «Карелия» на финском языке стал издаваться журнал «Punalippu» («Красное знамя»). Увеличился объем передач на финском языке по радио. Летом 1940 г. начался перевод на финский язык делопроизводства в советских, партийных, судебных, хозяйственных и других учреждениях республики, был образован Государственный финский театр, переименовывались улицы и т. д.

По оценкам современных исследователей, «программа финнизации выполнялась по инерции, так как руководство республики не верило в скорое решение „финского вопроса“», хотя такая политика «помогла выжить уцелевшему в годы репрессий финскому населению новой союзной республики»¹.

* * *

Подводя некоторые итоги исследования проблемы внедрения финского языка среди различных этнических групп населения республики, особенно среди карел, обратим внимание на многоаспектность языковой политики и ее результатов. Они не сводимы только к политической составляющей, несмотря на то, что финнизация проводилась «сверху», преимущественно по политическим соображениям. Однако такой вывод носит ограниченный характер, хотя, как неоднократно отмечалось в статье, он чаще всего фигурирует и в отечественных, и в зарубежных исторических исследованиях.

Одна из существенных особенностей языковой политики 1920–1930-х гг. действительно состояла в том, что языковые права народов решались в условиях ограниченного выбора альтернативных вариантов. Ориентация на финский язык как средство внутрирегиональной и межрегиональной (межгосударственной) коммуникации изначально была предопределена политическими установками.

¹ *Килин Ю.* Указ. соч. С. 221–228.

Разрешение языковой проблемы осложнялось тем, что язык меньшинства (финский), претендующий на ведущую роль в общественно-политической и культурной жизни республики, неизбежно сталкивал принципы правовой несправедливости по отношению к карельскому языку как к языку титульного народа республики. Партийное руководство страны в своих решениях исходило из задач, диктуемых потребностями времени. Возникающая разновекторность языковых устремлений Центра и республики неоднократно вызывала корректировку и крутые повороты в языковой политике.

Следует иметь в виду также и то, что при отсутствии карельской письменной традиции знание карелами финского языка открыло новые возможности и перспективы социально-культурного развития. Подтверждением этого является формирование в карельском этносе определенного слоя финноязычной гуманитарной интеллигенции (учителей, актеров, работников СМИ, культурно-просветительных учреждений и т. д.). Их профессиональная деятельность, безусловно, оказывала непосредственное влияние на масштабы функционирования финского языка и поддержание его престижа. В этой связи уместно напомнить о плодотворной работе таких известных карельских писателей и поэтов, писавших на финском языке, как А. Тимонен, Н. Яккола, Я. Ругоев, О. Степанов, Н. Лайне.

Финский язык для финнов был и остается языком внутринационального общения и этнической самоидентификации, фактором социально-этнического и культурного развития, т. е. важнейшим условием сохранения самого финского этноса. Для карел финский язык являлся преимущественно фактором социально-профессионального развития личности в гуманитарной сфере, но он не выполнял этнических функций и не был этноопределителем, не являлся средством активного общения среди карельского населения. Распространение карельско-финского двуязычия как вектор языковых перемен оказывало слабое влияние на речевое поведение карел или тем более вепсов, не говоря уже о выборе родного языка, которым для карел и вепсов оставался язык своей национальности.

Русский язык для всех трех этнических образований предоставлял значительно большие возможности социальной мобильности (в широком смысле этого понятия), позволял использовать приобретенный профессиональный потенциал знаний в расширяющейся социальной практике: в сфере науки, техники, здравоохранения, медицины, в различных отраслях промышленного производства, сферы обслуживания и т. д. Знание русского языка, учитывая становление в республике многоотраслевого производства, развитие среднего специально-

го и высшего образования на основе русского языка, формирование принципиально новой социально-профессиональной структуры, распространение новых образцов русскоязычной культуры и т. д., существеннее расширяло адаптационный социально-профессиональный и культурный потенциал народов к быстро меняющимся условиям и требованиям времени.

И еще один аспект «взаимоотношений» карельского и финского языков. До сих пор бытует мнение о том, что финский язык якобы «спас карельский язык от „растворения“ в русском языке». Не умаляя роли финского языка в развитии культуры, особенно литературы Карелии, и допуская, что финский язык в определенной мере был фактором, сдерживающим языковую ассимиляцию карел, следует учитывать численное соотношение карел и финнов (в 1926 г. их соотношение равнялось примерно 40 : 1, в 1939 г. — почти 12 : 1¹), рассеянное расселение финского населения в сельской среде и др. Отсюда вероятнее заключить: наличие карельской среды обеспечило более активное функционирование финского языка и его сохранение в республике.

Репрессии второй половины 1930-х гг. нанесли набирающей силе финноязычной культурной традиции и финскому языку такой удар, что стало невозможно противостоять общей тенденции языковой ассимиляции «вширь». Данные переписи 1939 г. подтверждают начавшиеся перемены: доля финнов с несовпадающей национальностью и родным языком возросла в Карелии до 19,2 %, среди финнов-горожан достигла 22,9 % и среди финнов, проживающих в сельской местности, — 18,7 %². В последующие десятилетия эта тенденция лишь последовательно усиливалась.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. М., 1928. С. 114–116; Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51.

² НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51.